

История медицины

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2001
УДК 378.661:93]:92 МУДРОВ

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин, А. А. Сточик

М. Я. МУДРОВ И СТАНОВЛЕНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Я. МУДРОВА, 1776—2001 ГГ.) СООБЩЕНИЕ I. ПИСЬМО К М. Н. МУРАВЬЕВУ (1805 Г.)

НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова

Возникновение современной модели и современных целевых установок высшего медицинского образования относится ко 2-й половине XVIII века и связано прежде всего с внедрением преподавания практических врачебных наук у постели больного и совершенствованием его форм и методов. В Западной Европе этот процесс продолжался в течение XVI—XVIII веков. За эти два столетия преподавание у постели больного превратилось из эпизодических демонстраций, проводимых для наглядности преподавания внутренней медицины, в эффективную систему клинической подготовки, способную заменить послеуниверситетскую стажировку и позволяющую сразу после окончания университета предоставлять его выпускникам право на самостоятельную врачебную практику. К концу XVIII века во многих университетах Европы были открыты клиники, введено клиническое преподавание внутренней медицины, хирургии и акушерства, постепенно устанавливался порядок, при котором к занятиям в клиниках допускались лишь студенты, прошедшие полный курс теоретической подготовки¹.

В единственном в России Московском университете вплоть до начала XIX века преподавание у постели больного не использовалось. Правда, в "Проекте Устава Российских университетов" (1787 г.), подготовленном на основе австрийского опыта в недрах екатерининской "Комиссии об устройстве народных училищ", предусматривались и организация клиник, и сравнительно большой объем практической подготовки. Но Проект так и не стал Уставом, скорее всего, потому, что его весьма прогрессивные для своего времени положения в России некому было воплощать в жизнь². Студенты медицинского факультета продолжали изучать практические врачебные науки, не видя больного. "Профессор Рихтер, коего достоинства способности и сведения превышают всякую похвалу, — писал М. Я. Мудров о по-

становке преподавания практических врачебных наук в Московском университете в конце 90-х годов XVIII века, — читал Хирургию превосходно; но можно ли тому поверить, что он не показал ни одной операции ни на живом, ни на кадавере? И мы ни одной не сделали. Можно ли поверить, что он учил словами и мелом делать операции, не показав строения оперируемой части на кадавере? И мы учились танцевать, не видевши, как танцуют... Акушерские его лекции приводили слушателей в восхищение. Он сам делал, и показывал нам делать, маневры с куклою над куклою, но ни один из нас не сделал ни одного оборота с настоящим (мертвым) младенцем над женским трупом; ни один не имел понятия, как должно тушировать, что есть первейшая вещь; ибо не было женщин. Ни один не акушировал ни натуральных, ни искусственных родов, или лучше не видел, как бывают роды; ибо не было родильниц"³.

Положение начало меняться лишь после принятия университетского Устава 1804 г., который предписывал организацию в Московском университете клинических институтов для практического преподавания на их базе внутренней медицины, хирургии и акушерства. Однако внедрить клиническое преподавание, особенно в его активных формах и объеме, соответствующем уже установившимся в большинстве западно-европейских университетов стандартам, удалось далеко не сразу. Университет не располагал подготовленными клиническими преподавателями. И профессор патологии, терапии и клиники (внутренняя медицина) Ф. Г. Политковский, и профессор хирургии Ф. А. Гильтебрандт никогда не проводили занятий со студентами в клинике и, вероятнее всего, не имели достаточно ясного представления об имевшемся зарубежном опыте преподавания у постели больного. Поэтому в первые годы занятия в клинических институтах ограничивались еженедельными демонстрациями искусства профессора распознавать болезни, назначать лечение, производить операции⁴. Понадобилось более двух десятилетий, чтобы внедрить в Московском университете одну из европей-

¹Подробнее о становлении клинического преподавания в университетах Европы см.: Клин. мед. — 1998. — № 1 — С. 65—67; № 2 — С. 62—64; № 3 — С. 72—74; № 4 — С. 63—65; № 5 — С. 74—77; № 8 — С. 70—75; Пробл. соц. гиг. и история мед. 1997. — № 4. — С. 52—56; Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — 2-е изд. — М., 2000. — С. 365—384.

²О проекте университетского Устава 1787 г. см.: Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Из истории медицинского факультета Московского университета // Вестн. РАМН. — 1995. — № 8. — С. 64—68.

³Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву / Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 27—28. (Далее: Письма М. Я. Мудрова).

⁴Подробнее см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н. Первые шаги клинического преподавания на медицинском факультете Московского университета // Тер. арх. — 1997. — Т. 69, № 12. — С. 81—86.

ских моделей клинического преподавания. Ведущую роль в этом сыграла деятельность М. Я. Мудрова.

М. Я. Мудров был первым профессором Московского университета, не только убежденным в необходимости скорейшего внедрения преподавания у постели больного, но и прекрасно подготовленным для этого. Во время подготовки к профессуре в клиниках Германии, Австрии и Франции он детально познакомился с методами клинического преподавания внутренней медицины, хирургии и акушерства, а в Виленском университете — с последними педагогическими идеями выдающегося реформатора медицинского образования И. П. Франка, которые успешно использовал в преподавании его сын И. Франк. Более того, судя по сохранившимся документам, М. Я. Мудров был первым, а возможно, и единственным, сотрудником университета, предоставившим руководство в самом начале реформы исчерпывающие данные о состоянии преподавания "практических наук" в лучших медицинских учебных заведениях Европы. Эти данные содержатся в письме М. Я. Мудрова к попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву, отправленном из Парижа 27 марта 1805 г.

Это письмо неоднократно анализировалось в литературе, но главным образом для выяснения роли М. Я. Мудрова в становлении отечественной патологической анатомии. Между тем основное содержание этого письма составляет развернутые аналитические справки о состоянии преподавания в России и Западной Европе "практических (рукоделательных) наук", к которым М. Я. Мудров относил анатомию, хирургию, а также "Оперативную часть Акушерства, Прозекторскую часть Судебной Медицины и круг Анатомию Врачебной или Патологической"⁵. О преподавании внутренней медицины М. Я. Мудров ничего не сообщал, хотя известно, что он знакомился с методами клинического преподавания этой дисциплины в клиниках Гуфеланда, Бальдингера, Пинеля, Бойе. Но внутренняя медицина не была "назначена на его долю" (его отправили в "чужие края" для подготовки к профессуре по хирургии и анатомии), и М. Я. Мудров, видимо, счел для себя неудобным вмешиваться, что называется, в чужую епархию. Вместе с тем при анализе текста письма становится ясным, что большинство высказанных в нем положений применимо и для преподавания внутренней медицины.

Письмо как по масштабности изложенных в нем проблем, так и по тону меньше всего похоже на отчет о ходе и результатах стажировки, который время от времени направляли в университет его питомцы, посланные для усовершенствования за границу. Да и сам М. Я. Мудров в начале письма как бы предупреждает попечителя о необходимости содержания своего "рапорта": "Милостливый государь Михаил Никитич! В силу Ректорского повеления, я давно бы должен к Вашему Превосходительству отнестись рапортом касательно до моего путешествия. Вы, простите, надеюсь, моей медлительности. Она происходила наиболее от нерешительности подать Вашему Превосходительству гладкой, но ложный отчет, либо замарать себя пред вами пятном дерзости, злословия и неблагодарности. Я избрал последнее, желая лучше навсегда подвергнуть себя общему негодованию, чем для собственной корысти, но ко вреду общества, покрыть ласкательством истину перед начальником благодетельным и истинно почитаемым о просвещении Отечества, т. е. о прочном его благе"⁶.

Насчет "дерзости" М. Я. Мудров почти не преувеличивает. Письмо написано жестко и эмоционально, порой содержит поучения, высказанные тоном вежливым, но не терпящим возражений. Вчерашний безродный студент, лишь год как удостоенный степени доктора медицины, обращался к крупному сановнику, учителю и личному другу Государя, как к равному, и многочисленные славословия в его адрес лишь подчеркивали жесткость и императивность основного текста письма. На конкретном материале М. Я. Мудров убеждал попечителя, что постановка высшего медицинского образования в России по сравнению с Европой не выдерживает никакой критики, что предстоит проделать гигантскую многолетнюю работу, чтобы встать вровень с просвещенным Западом, что проводимая реформа лишь первый и достаточно робкий шаг на пути к этому. Одновременно М. Я. Мудров давал понять, что просто отмахнуться от изложенного в письме, наказав автора за дерзость или обвинив его во лжи, бесперспективно, что для подлинного реформирования высшего медицинского образования попечителю нужны именно такие люди, как он — Мудров, знающие дело и не боящиеся говорить правду, что он, Мудров, готов взять на себя значительную часть трудов по осуществлению преобразований в университете в соответствии с положениями, изложенными в письме. "Я сказал все, что лежало на сердце, — читаем мы

в конце письма. — Но оно тем не успокоилось, ибо через то я остаюсь в сомнении, ожидая от Вас похвалы или выговора...

Если сие произведение не по разуму заслуживает более негодования Вашего Превосходительства по причинам, кои я очень чувствую: я остаюсь в отчаянии удовлетворить когда-либо сладким надеждам моих благодетелей обо мне. Но я клянусь Вам рукою Отца отечества, подписующего просвещение и блаженство наше, что здесь нет ни одной черты, выдуманной своевольным воображением. Кесаря порицаю, если будут обличать меня перед Вами лжецом. Судить о доброте и совершенстве изображенных здесь способам я предоставляю Меченатам. Для их самих, признаюсь, дерзость заставила меня писать. Но долг бременил говорить правду, докладывая о возможности оных. Худы, или хороши, сии способы, но я лучшего ничего не знаю...

При всем был я далек от того, чтоб наполнить всю сферу практических наук и искусств. Но, благодарение Богу, я надеюсь пустить в делопроизводство каждый отрезок из оных⁷.

"Я далек от того, чтобы исполнить всю сферу практических наук и искусств..." М. Я. Мудров имеет в виду не только обширность предметов преподавания, обучение которым не под силу одному профессору. В письме от 27 марта 1805 г. четко очерчены две группы проблем, которые предстоит решить для того, чтобы создать в российских высших медицинских учебных заведениях эффективную систему клинической подготовки. К первой относятся объем и методы преподавания "практических наук", ко второй — условия, при которых эти методы могут быть внедрены и эффективно использоваться. Из методических вопросов М. Я. Мудров выделил следующие положения.

Первое. Эффективность усвоения "практических наук" зависит от простоты и ясности, которые обеспечиваются доступностью изложения и наглядностью преподавания. "В образе преподавания, — писал М. Я. Мудров, — угодить ученым и простякам есть верх красноречия. Изобразить мысли в возможной простоте слов, но в предначитательном порядке — вот что означает Оратора. Ни отвлеченная Философия, ни гордая латынь, ни громкие слова, ни надутые периоды — право суть бесполезны..."⁸. И еще: "...лекции хирургические должны быть преподаваемы над препаратами, взятыми из анатомического и патологического кабинетов. Ибо ежели в несообразности строения совершают операцию, в сообразность строения должно показывать и правила оной. Напротив, изъяснения свойства операции без препаратов, без примерных сечений внимание утруждается на приобретение одной идеи об операции, а не делопроизводство оного... Оператор (по демонстрации операции. — *Авт.*) обязан пред учащимися дать отчет, по каким причинам решился он сделать операцию и по какому методу. Он предуведомляет их о явлениях имеющих последовать, а помощникам дает особенные наставления... Лекции сей науки (Акушерства. — *Авт.*) ни мало ни разнятся от Хирургических в отношении к методу"⁹. Для того чтобы учащийся познавал, необходимо, чтобы на лекции он понимал и видел — таков основной закон преподавания "практических наук".

Второе. "Изобразить мысли в возможной простоте слов" означает свободный увлекательный и в то же время методически четко выстроенный рассказ о предмете. Такое доступно лишь лектору, детально и глубоко знающему вопрос. Но при обширности учебных курсов один профессор не может обеспечить одинаково высокое качество преподавания каждого его раздела. И М. Я. Мудров обращает внимание попечителя на опыт немецких и французских медицинских школ по разукрупнению обширных учебных курсов: "...каждую науку подразделяют на ее части, и каждую частьверяют особенному профессору... Сим образом, — продолжает М. Я. Мудров, — имея малое бремя... они дают великолепные лекции. Они читают не по книжке и не по писанному, ибо этот способ оставляет мало впечатления. Тем не менее они не диктуют в классе своим слушателям, ибо этот способ убивает время, потребное для изъяснения. В течение одного часа Профессор не истощает своего велеречия, и молодые люди не соскучат слушать Оратора"¹⁰.

Третье. Большое место в письме занимает описание активных методов преподавания — отработка учащимися навыков обследования больных и оказания им помощи, проведение хирургических и акушерских операций на трупе, работа в клинических палатах госпиталей с больными, которых им "рекомендует" профессор. М. Я. Мудров отдает явное предпочтение активным методам преподавания, обучению у постели больного, которые на основе полученных знаний формируют мастерство будущего врача. "Но не довольно сего, — пишет он М. Н. Муравьеву, — чтоб учащиеся видели. Чтоб сделать их не зрителями

⁷ Там же. — С. 56.

⁸ Там же. — С. 54.

⁹ Там же. — С. 35, 36, 39.

¹⁰ Там же. — С. 54.

⁵ Письма М. Я. Мудрова. — С. 33.

⁶ Там же. — С. 26.

только робкими, но и творцами и судьями операций, понадобно упражнять их руки в совершении методических маневров... в Госпиталях надобно приучать глаза, руки, ум и сердце учащихся"¹¹.

Четвертое. М. Я. Мудров обратил внимание на целесообразность использования для клинических занятий наряду с "клиническими палатами" амбулаторного приема профессоров, что практиковалось во многих медицинских учебных заведениях Германии. "Вот прекрасный способ для них (учащихся. — Авт.) видеть разные болезни", — писал он по этому поводу М. Н. Муравьеву¹². М. Я. Мудров сообщал также, что амбулаторный прием немецкие профессора используют для отбора тематических больных в свои клиники — "составляют Клиническую палату для усовершенствования учащихся".

Пятое. В письме много внимания уделено патологической анатомии — предмету и целям этой новой, еще формирующейся тогда науки, ее значению для развития теории и практики врачевания, обоснованию необходимости ее преподавания в Московском университете, описанию опыта такого преподавания в различных медицинских учебных заведениях Европы. По мнению М. Я. Мудрова, патологоанатомические сведения должны включаться в содержание учебных курсов всех "врачебных рукодательных наук", поскольку "строгие исследования болезненных произведений" (тщательное изъяснение морфологических изменений органов и частей тела при различных заболеваниях) не только "должны служить нам основанием теории патологической" и "поправлению теорий" умозрительных, но являются эффективным орудием "совершенствования диагностики", а главное формируют у будущего врача естественнонаучные представления о сущности процессов, происходящих в организме больного человека¹³.

Много внимания в письме уделено и характеристике материально-технической базы "главных училищ Германии и Франции", уровень развития которой в значительной мере определяет эффективность клинической подготовки. Прежде всего лучшие западно-европейские медицинские учебные заведения, включая медицинские факультеты университетов, располагали мощной и хорошо оснащенной клинической базой, были обеспечены обширными уникальными и научно атрибутированными анатомическими и патологоанатомическими коллекциями, прекрасно исполненными, и дорогостоящими муляжами. Как в Германии, так и во Франции даже учебные заведения, развернутые на базе лечебных учреждений (хирургические школы, повивальные институты), нередко использовали для занятий другие госпитали. "При всех Госпиталях есть студенты...", "...при Госпиталях есть клинические палаты...", "...доктора обязаны давать практические лекции...", "...главный Доктор или Хирург, суть вместе и Профессоры Клиники..." Между лечебными учреждениями города и расположенными в нем медицинскими учебными заведениями, включая университет, налажено четкое взаимодействие. Подготовка кадров для лечебных учреждений — не дополнительная, навязанная им нагрузка, а такая же обязанность, как и лечение больных. И "главный Доктор и Хирург" — он же "Профессор Клиники", и руководитель клинической палаты не должны участвовать в постоянных межведомственных спорах на тему, что для госпиталя приоритетнее — лечебная или учебная работа, как это до сих пор происходит в России. Сложившийся порядок, по мнению М. Я. Мудрова, характеризует отношение государства и общества к образованию и, в частности, к подготовке медицинских кадров. Педагогическая работа в Западной Европе престижна и высоко оплачивается. "Везде важные выгоды, — писал он попечителю, — соединены с Профессорским достоинством... Прусские Профессоры суть первые люди врачебного правления... Я осмелился через сие изобразить противное, — не без горечи отмечал далее М. Я. Мудров, — что у нас достигнув чрез профессию доверенности и важных мест, наконец презирают профессуру..."¹⁴.

Письмо М. Я. Мудрова наверняка заинтересовало М. Н. Муравьева и даже поддержало его, упрочив уверенность в необходимости срочных и радикальных перемен. На "дерзость" "не по разуму" и чину он, вероятнее всего, внимания не обратил — не того калибра был человек. С его назначением на пост попечителя Московского учебного округа не только в России, но и за рубежом связывали большие надежды на быстрый подъем Московского университета: "Иностранная пресса, — писал известный русский историк академик М. И. Сухомлинов,

— пророчила Московскому университету блестящую будущность, полагая, что он не только может превзойти университеты других стран Европы, но и в самой Германии немногие университеты будут в состоянии выдержать с ним соперничество"¹⁵.

Стремление М. Я. Мудрова улучшить медицинское образование и готовность его участвовать в проводимых в университете преобразованиях, как и обширность познаний преподавания практических наук, попечитель оценил: уже 2 августа 1805 г. молодому доктору медицины, еще не возвратившемуся в родной университет, было присвоено звание экстраординарного профессора. Это был не только знак одобрения. М. Н. Муравьев ясно давал понять, что после возвращения М. Я. Мудров может рассчитывать на поддержку попечителя во всех своих начинаниях. Другое дело, что сразу реализовать, даже частично, написанное М. Я. Мудровым М. Н. Муравьев не имел возможности. Не на кого было опереться. Да и слишком запущены были дела в университете. Так что ремарку М. Я. Мудрова относительно внедрения патологической анатомии ("...сие предприятие не обещает скорого совершенства...") вынужден был отнести к большинству поднятых в письме вопросов. Но что мог, М. Н. Муравьев делал. Клинические институты, хотя и недостаточно мощные для организации на их базе клинической подготовки по лучшим европейским образцам¹⁶, были открыты. Преподавание у постели больного, пусть в ограниченном объеме, по устаревшей методике — введено. Даже элементы патологической анатомии в 1805/06 учебном году начали преподаваться в курсе нормальной анатомии¹⁷. Но, видимо, главной своей задачей попечитель считал подготовку почвы для деятельности молодых реформаторски настроенных питомцев университета М. Я. Мудрова, И. П. Воинова, И. А. Двигубского, которые должны были скоро возвратиться из-за границы. Наверное, рассчитывал и поддержать их, и поработать сам. В свои 48 лет он был в расцвете сил, пользовался полным доверием Государя. Но, как говорится, никто не ведает своего часа. М. Н. Муравьев скончался через 2 года, 50 лет от роду.

М. Я. Мудров вернулся в Москву спустя 3 года. Вернулся после удачного врачебного дебюта в Вильно, где отличился во время ликвидации эпидемии "заразительных кровавых поносов". "За этот подвиг, — писал его ученик и первый биограф П. И. Страхов, — Мудров награжден чином Надворного Советника и единоверенно из Кабинета Императора выдано 200 рублей..."¹⁸. В Вильно он познакомился и с очередной реформой И. П. Франка, и с постановкой преподавания на медицинском факультете университета и в Виленском медицинском институте, которая послужит для него образцом, к сожалению, недоступным, и с И. Франком, дружеские отношения с которым он сохранил на всю жизнь. Похоже Москва встречала М. Я. Мудрова не слишком приветливо. Кафедра, для подготовки к руководству которой его направляли за границу, была занята, клиника маломощна, с внедрением эффективных методов клинической подготовки не спешили. В сфере "практических наук" использовалось знание М. Я. Мудрова было негде и он начал читать курс военной медицины — предмет, преподавание которого не предусматривалось Уставом, но было весьма своевременно. Россия стояла на пороге большой войны. Сейчас невозможно установить, кому изначально принадлежала идея ввести в Московском университете преподавание военной медицины — руководству университета или самому М. Я. Мудрову. Правда, в случае, если бы инициатива исходила сверху, что представляется логичным после пережитой трагедии под Аустерлицем и в ситуации подготовки страны к войне, то курс военной медицины был бы введен прежде всего в медико-хирургических академиях, чего не произошло. М. Я. Мудров же еще в письме М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 г. выражал удивление, что в российских медико-хирургических академиях этот предмет не преподавался. "Нечему удивляться, — писал он попечителю, — что Университеты боятся полковой службы, как землетрясения. Ибо не учат лечить граждан. Но нельзя не дивиться, что в Академиях, воздвигнутых для воспитания полковых и морских лекарей, преподается и Акушерство и Судебная Медицина, а существе-

¹⁵Сухомлинов М. И. // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — СПб, 1889. — Т. I. — С. 13.

¹⁶Мощность трех клинических институтов составляла 12 коек. Подробнее см.: Пробл. соц. гиг. и история мед. — 1997. — № 1. — С. 47—49.

¹⁷Российский Д. М. // 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 53.

¹⁸Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т. II. — М., 1855. — С. 122—123.

¹¹Там же. — С. 36.

¹²Там же. — С. 38.

¹³Подробнее см.: Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. — М., 1999. — С. 29—61.

¹⁴Письма М. Я. Мудрова. — С. 53.

ная часть, т. е. Медицина Военная, там не существует и по имени. Предмет оной есть сохранение здоровья служащих в полках и во флоте. Пища, питье, одежда, перемены воздуха, местоположение, походы, удобность, больницы, замена лекарств, ловкость в некоторых операциях, перевоз больных (например, с переломами) и пр., суть прекрасные главы, которые читал в Берлине Г. Формей Лейб-Медик Короля Прусского и Генерал-Штаб-Доктор от армии, в пользу полковых лекарей и Королевских Пепиньеров¹⁹. По-видимому, М. Я. Мудров не только прослушал курс Формея, но и основательно изучал военную медицину по другим источникам. В противном случае он вряд ли смог, находясь в Вильно, написать и опубликовать достаточно полное, хотя и компилятивное, руководство по военно-полевой хирургии, к сожалению, не переведенное на русский язык²⁰. Так что М. Я. Мудров, возвратившийся из-за границы к разбитому корыту, сам мог предложить вариант своего использования в учебном процессе на медицинском факультете. Не исключено также, что вопрос о преподавании военной медицины в Московском университете и использовании для этой цели М. Я. Мудрова был решен еще М. Н. Муравьевым. Попечитель оценил важность поднятой М. Я. Мудровым проблемы и заодно нашел выход из создавшегося сложного положения. Все профессорские вакансии на медицинском факультете были заняты, и возвращающийся из-за границы молодой и отличный подготовленный профессор, которому М. Н. Муравьев явно симпатизировал, мог остаться не у дел.

Чтение курса военной медицины, укрепившее положение М. Я. Мудрова в Московском университете, было, однако, лишь эпизодом в его творческой биографии. Дело всей жизни пришло в 1809 г., когда после отставки Ф. Г. Политковского М. Я. Мудров был назначен профессором патологии, терапии и клиники и директором Клинического института. Сам ли М. Я. Мудров отказался от хирургической кафедры, к которой стремился и упорно готовился, или виной тому стала сложившаяся в университете ситуация, точно неизвестно. Судя по переписке с М. Н. Муравьевым и свидетельствам очевидцев, за границей он изучал все, относящееся к медицине, с одинаковым интересом и прилежностью и в дальнейшем мог с успехом читать любой университетский курс. Не исключено, что недалеко от истины был А. Г. Гукасян, предполагавший, что еще в Вильно "Мудров пришел к окончательному решению избрать внутренние болезни своей специальностью"²¹. Но так или иначе, а назначение состоялось, и оно открывало немалые перспективы: хирургия как предмет преподавания еще не встала вровень с внутренней медициной, и профессор патологии, терапии и клиники традиционно считался первым на факультете.

Заняв новую должность, М. Я. Мудров не торопился афишировать свои намерения в отношении перестройки преподавания внутренней медицины и других "практических наук". Вплоть до 1818 г. не удалось обнаружить ни одного документа или другого свидетельства о попытках М. Я. Мудрова поставить перед коллегами или "высшим" начальством вопрос о радикальном изменении методики клинической подготовки студентов в духе изложенного в письме М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 г. или "Нового устройства врачебного отделения Виленского университета по плану профессора П. Франка". Создается впечатление, что, став ординарным профессором, он поначалу отказался от своих реформаторских замыслов. Но это впечатление

¹⁹Письма М. Я. Мудрова. — С. 30.

²⁰Principes de la pathologia militaire, concernant la guerison des plais d'armes a feu et l'amputation des membres sur la champ de bataille on a la suite de traitement developpes aupres des lits des blesses. — Vilno, 1808 (Принципы военной патологии, касающиеся огнестрельных ранений и ампутации конечностей на поле сражения или о последствиях лечения, развертываемого у постели раненых).

²¹Гукасян А. Г. Мудров — основоположник отечественной внутренней медицины. Мудров М. Я. Избранные произведения. — М. — 1949. — С. 35.

обманчиво. М. Я. Мудров действительно выжидал. Располагая тремя койками в Клиническом институте, было нелегко даже думать о внедрении франковской модели клинического преподавания, требовавшей достаточно мощной клинической базы. Бесперспективной была бы и попытка поставить перед "высшим" начальством вопрос о расширении клинической базы Московского университета. В России всегда экономили на образовании, а в 1809 г., когда только что израсходовали огромные средства на проведение реформы просвещения, открытие и оснащение новых гимназий, педагогических институтов, университетов, о выделении дополнительных средств на расширение клинических институтов Московского университета не могло быть и речи. М. Я. Мудров это понимал. Понимал и выжидал. Выжидал, но не бездействовал.

Уже в 1809/10 учебном году, стремясь компенсировать маломощность клинической базы, М. Я. Мудров начинает проводить амбулаторный прием "в присутствии учащихся, дабы сих приучать распознавать, определять и лечить болезни"²². И хотя в "Объявлениях о публичных учениях..." за 1809/10 учебный год говорится, что "профессор будет давать советы... в присутствии учащихся", студенты на мудровском приеме — не просто зрители. Они не только наблюдают работу профессора и слушают его объяснения. М. Я. Мудров привлекает их и к опросу и осмотру больных, выслушивает их мнение о диагнозе, причине болезни, обсуждает с ними лечебные рекомендации. Используя опыт немецких профессоров, М. Я. Мудров на амбулаторном приеме отбирает тематических больных для Клинического института, — как правило, лиц, страдающих болезнями, которые было необходимо более детально проработать со студентами. Введение занятий на амбулаторном приеме — несомненный шаг вперед на пути к внедрению клинического преподавания.

В 1811/12 учебном году М. Я. Мудров меняет источники преподавания: вместо использовавшегося его предшественником Ф. Г. Политковским учебника Туртеля, мало пригодного для преподавания у постели больного, а главное трактующего причины болезней на основе устаревших общепатологических концепций, он объявил о преподавании своего предмета по руководству виленского профессора Й. Франка и его отца И. П. Франка²³. "...Мудров, — читаем мы, например, в "Объявлениях о публичных учениях..." за 1813 учебный год, — ...предложив вкратце учение Общей Клиники, будет преподавать Частную Медицину Клиническую по руководству Иосифа Франка, заимствуя силу и объяснение правил из Практического сочинения его отца"²⁴.

Новые источники преподавания значительно облегчали студентам работу с больными и в клинике, и на амбулаторном приеме. В "Руководстве Иосифа Франка" достаточно полно и доступно излагались "правила" осмотра и обследования больного, детально описывались симптоматика и лечение различных заболеваний, причем симптоматика какого-либо заболевания не только анализировалась, но и сопоставлялась с проявлениями других болезней, что напоминает дифференциальную диагностику. Более того, новые источники содержали сведения по патоморфологии. Иными словами, "преподавать Частную Медицину Клиническую по руководству Иосифа Франка" означало знакомить студентов с элементами патоморфологии "органических болезней", а "заимствовать силу и объяснение правил из Практического сочинения его отца" — "объяснять сущность болезней из начал анатомии патологической". М. Я. Мудров действовал. Но это было только начало. Главная работа была впереди.

²²Объявления о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых с 1809 августа 17 дня по 28 июня 1810 года. По назначению Совета. — М., 1809. — С. 3.

²³Frank J. Praxeus medicinae universae praecepta. — Vol. I. — Leipzig, 1811; Frank I. P. De curandis hominum morbis epitome. — Mannheim, 1794.

²⁴Объявления о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых с 1813 Августа 17 дня. По назначению Совета. — М., 1813. — С. 5.